

па: 5.02.2012)]. Примечательно, что окончательное возвращение темы старообрядчества (с освобождением от постулата об антифеодальном протесте) в русскую культуру совпало с возвращением наследия русского «духовного ренессанса» (термин Н.А. Бердяева) и эмиграции и пришло уже на последние годы советской эпохи.

Таким образом, художественные произведения являются важным фактом историографии, поскольку отражают отношение общества к той или иной проблеме. Кроме того, они предоставляют историку конкретно-историческую информацию (нередко уникальную). Важно подчеркнуть, что в случае с художественными образами историк имеет дело с произведениями искусства, которые доступны не только ему и его работа может проверяться не только коллегами, но и всем обществом. Это обстоятельство и может способствовать преодолению разрыва между обществом и историками, о котором шла речь в начале.

Д.А. Добровольский (РГГУ, Москва)

Историописание или историография: к типологической характеристике русских летописей

Так сложилось, что курс истории исторической науки в России включает в себя — пусть и с оговорками — характеристику исторического мышления древнерусских летописцев, которые предстают, таким образом, если не первыми историками нашей страны, то, во всяком случае (воспользуюсь известной шуткой из «Записей и выписок» М.Л. Гаспарова), «убежденнейшими предшественниками» позднейших ученых [См., напр.: Рубинштейн Н.Л. Русская историография. [2-е изд.] СПб., [2008]. С. 17–26; Шапиро А.Л. Историография с древнейших времен до 1917 года. [СПб.], 1993; Сидоренко О.В. Историография отечественной истории (IX – начало XX вв.): учеб. пособие. – URL: http://window.edu.ru/window/library/pdf2txt?p_id=18325, режим доступа свободный; последнее посещение 19.03.2012 г.]. Этот подход не универсален: П.Н. Милоков, например, относил «создание русской национальной исторической теории» к XVI в. [Милоков П.Н. Главные течения русской исторической мысли. Изд. 3-е. СПб., 1913. С. 4], а А.М. Сахаров писал о «донаучном периоде» в эволюции «исторических знаний», простиравшемся «с древнейших времен до второй половины XVII в.»; характеристике этого «донаучного периода», впрочем, уделялось более 20 страниц [Сахаров А.М. Историография истории СССР: досоветский период. М., 1978. С. 17–44]. Логика сторонников сужения хронологических рамок русской историографии понятна: как подчеркивает А.М. Сахаров, «знание становится наукой вместе с формированием теоретического подхода к истории» [Там же. С. 9]. В то же

время, современное мировосприятие, в значительной степени пронизанное духом постколониализма, подсказывает легкий путь опровержения сказанного: поскольку определение науки как теоретически нагруженного знания сформировано европейским опытом, который, очевидным образом, не универсален, то и разграничение научного / донучного, производимое по данному критерию имеет смысл лишь в рамках европоцентристского подхода к осмыслению интеллектуального наследия человечества, очевидным образом не соответствующего современному распределению культурных достижений и экономических ресурсов. Поиски «глобальной перспективы историографического знания» неизбежно приводят нас к вопросу о границах исторической науки, проблематизируя, в том числе, и устоявшееся определение последней [ср.: Воробьева О.В. О глобальной перспективе историографического знания // История и историки в пространстве национальной и мировой культуры XVIII — начала XX века: материалы междунар. науч. конф. М., 2011. С. 110–113]. Время обратиться к анализу источников, поставив вопрос о степени соответствия летописания базовым критериям научности рассказа о прошлом.

Утверждения, что древнерусский книжник «и не пробует понять, что он пишет и переписывает, и, похоже, одержим одной мыслью – записывать все как есть» (В.В. Мильдон), вызывают заслуженное неприятие у специалистов-медиевистов [ср.: Данилевский И.Н. Древняя Русь глазами современников и потомков: курс лекций. М., 1998. С. 11–14]. Летописцы, несомненно, далеко продвинулись в деле осмысления излагаемых событий: значительная часть сообщений сопровождается оценкой происходящего. Более того, летописный рассказ выстроен прежде всего по хронологическому принципу. Как следствие, одна сюжетная линия может с легкостью вклиниться в другую, а последовательное изложение ряда взаимосвязанных событий требует специальных приемов (в частности, введения зачастую не оговоренных ретроспекций). Однако и в таких условиях книжники находили возможность выявлять причину и следствие и делать предположения о движущих силах истории: «се [нападения степняков – Д.Д.] бо есть батогы его, да негли, встягнувшися, вспомянемся от злаго пути своего, сего ради в праздники Божь наводит сѣтованье». [Полное собрание русских летописей. М., 1997. Т. 1. Стб. 222]. Наконец, в летописи можно обнаружить и эксплицитную полемику с не устраивающими книжника представлениями [например, с легендой о Кие-перевозчике – Там же. Стб. 9–10; следы опровергаемой точки зрения сохранились в Новгородской I летописи младшего извода – ПСРЛ. М., 2000. Т. 3. С. 103]. Появление подобного рода рассуждений отдалает древнерусское летописание (во всяком случае – лучшие его образцы) от «стандартов» архаического повествования о прошлом, приближая его, одновременно, к современной историографии.

Вместе с тем, летописцы не были последовательны в задействовании собственных «историографических возможностей». Так, в начале Повести временных лет помещен не разделенный на годовые статьи фрагмент, традиционно именуемый введением [Там же. Стб. 1–17]. Основное содержание этого отрывка — этногеография Восточной Европы с особым акцентом на расселение восточнославянских племен. Однако единого списка этих племен в летописи нет: читателю предлагаются пять вариантов перечисления, которые слабо соотносятся между собой по составу и структуре. Такая непоследовательность может быть связана с общим пренебрежительным отношением книжников к собственному племенному прошлому. Примечательно, вместе с тем, что во введении практически не нашлось места для описания генеалогии и расселения степных народов, хотя «половецкий фактор» был одним из важнейших в излагаемой далее истории Руси. Пробел восполняется в статье 6604 (1096) г., где помещена специальная справка о происхождении кочевников. Но историограф *sensu stricto*, несомненно, внес бы соответствующую правку в начальную часть летописного рассказа. Если же этого не сделано, то значит перед книжниками не стояла фундаментальная для науки задача экспликации объекта своих рассуждений.

Показательно то, в каких контекстах летописцы ссылаются на мемориальные объекты, выступающие свидетельствами излагаемых событий. Б. Гене уверенно соотносит многочисленные упоминания таких объектов у западных авторов эпохи Средневековья с источниковедческими наблюдениями современных историков; лишь недостаток материала, полагает французский ученый, привел к тому, что «история была в Средние века вспомогательной наукой, не имевшей никаких вспомогательных дисциплин» [Гене Б. История и историческая культура средневекового Запада. М., 2002. С. 106–107]. Однако более убедительной представляется позиция Я. Банашкевича, который, признавая значение мемориальных объектов как свидетельств, подчеркивает их символическую нагруженность и способность освящать окружающее пространство, формируя ценностные структуры [Banaszkievicz J. Usque in hodiernum diem: średniowieczne znaki pamięci // Przegląd historyczny. 1981. Т. 72, zes. 2. S. 229–237]. Летописцы обращаются к физическим объектам как к свидетельствам. Так, драматический рассказ об ослеплении Василька Теребовльского прерывается деловым замечанием «и естъ рана та Василкѣ и нынѣ» [ПСРЛ. Т. 1. Стб. 261]. Однако наибольшее число мемориальных объектов, известных летописанию XI – начала XII в., связано с деятельностью первых русских князей, выступающих в данной связи едва ли не в качестве особого рода демиургов. Сани Ольги, которые «стоятъ въ Плесковѣ и до сего дъне», — это не прообраз музейного

предмета, а наглядный символ княжеской власти. Снова летописец выступает не как исследователь, а как один из представителей культуры, считающих соответствующий символический код.

Летописный жанр оказался весьма живучим: отдельные произведения такого плана создавались даже в начале XX в. [ПСРЛ. Л., 1892. Т. 37. С. 3]. Однако он очевидным образом не предполагал того жесткого противопоставления субъекта и объекта исследований, которое представляется базовым для историографии. Оставаясь феноменом историописания, летопись является, вместе с тем, продуктом неисториографического этапа в истории культуры. С практической точки зрения сказанное означает, среди прочего, что было бы целесообразно изъять рассмотрение летописей из курса истории исторической науки (возможно предусмотрев на более высоком уровне образования чтение более широкого курса по истории исторических знаний / исторических представлений).

М.И. Козлова (Сыктывкарский ГУ)

Античность в «Историях Российских» XVIII в. (опыт М.М. Щербатова и Ф.А. Эмина)

В XVIII в. особое значение приобрело изучение прошлого своего государства, актуализировалась «историографическая культура, тесно связанная с общественным сознанием и выполнявшая практические задачи конструирования национального прошлого, а также контроля над национальной памятью» [Маловичко С.И. Конструирование социально-политической истории Древней Руси в историописании Екатерины II // Русские древности: К 75-летию профессора И.Я. Фроянова. СПб., 2011. С. 370]. В этот период представители разных сословий занимались историописанием. Федор Александрович Эмин (1735–1770, автор «Российской истории жизни всех древних от самого начала России государей») и Михаил Михайлович Щербатов (1733–1790, автор «Истории Российской от древнейших времен») стали выразителями взглядов определенных слоев. Как известно, М.М. Щербатов ориентировался на дворян, а Ф.А. Эмин – на «русских буржуа». Их мировоззренческие ориентиры повлияли на весь процесс историописания, в том числе и на обращение к античному наследию.

М.М. Щербатов говорит о том, что он использует античные источники, чтобы «с помощью безпристрастной критики лживое с истиной различить; также, употребляя засвидетельствования иностранных писателей, в некоторых случаях тайные причины дел проникнуть». При этом М.М. Щербатов ссылается на сами источни-